

X. Поповска-Таборска

ЗАГАДОЧНЫЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЙ
ДИАЛЕКТИЗМ

ZGŁO, ŻGŁO, ŻDŹGŁO, ŻDŹGŁO, GZŁO, GIEZŁO 'РУБАШКА'

“Умершего кашубы одевают в саван, называемый *żgłō*, или закутывают в белое полотнище [...]. В подобное *żgłō* одевают умершего и в Куявии, в Калишском, Ленчицком и Серадзском воеводствах, в Малой Польше и в Мазовии”¹.

“Для мужчин шили специальную одежду, называвшуюся *czecheł, zgłō, żgłō, gzłō* [...]. Это была разновидность длинной, доходящей до концов пальцев рубашки с широкими рукавами. Это *żgłō* шили из дотканого грубого холста, как белёного, так и сурового, позднее – уже из покупного полотна [...]. Для женщины шили такое же *żgłō* [...]”².

“Сверху надевают [умершему] белый, доходящий до самых щиколоток саван, так называемое *żgłō* [...]”³.

А вот более полный материал, который поможет нам выяснить происхождение этого загадочного северо-западнославянского диалектизма:

нижнелужицкие: *zgłō* ‘рубашка’, уменьш. *zgetko*⁴, более ранние записи: *sgłō* ‘indusium, Hemd’, *sgelko* ‘subucula, Hemdchen’ (Schuster-Šewc 23, 1749);

кашубские: *zgłō*, старое ‘белая рубашка, доходящая до щиколоток, в которую одевали умершего’ (Sychta VI, 226), *żdźgłō* ‘das Hemde (Kaschub.)’. Bei den Kaschuben ist noch in der Bedeutung von Hemde übl., bei den Preuß. Polen bedeutet *żgłō* ein Sterbehemde”⁵; словинское *żgłō* ‘рубашка’ (Lorentz. Sl. Wb. II, 1415);

старопольские: *gzłō, zgłō* ‘рубашка’ (в “Гнезненских проповедях” – также написание *xłō* ‘часть литургического одеяния’), *gzłō* ‘рубашка’, реже ‘стихарь’, *gieszczko* ‘полотняное платье’ (Sl. stpol. VII, 532–533)⁶;

польские диалектные: *żgłō, zgłō, żgłō, gzłō, giezłō, zgietko* ‘длинная рубашка для погребения; рубашка’⁷.

В польском языке название савана со временем стало обозначать обычную рубашку, часть литургического одеяния, детское и девичье платье, но по причине многочисленности вновь возникших параллельных форм реконструкция его исходной формы становилась всё более трудной. Хуже того, Ф. Миклошич, рассматривая эти формы впервые, связал их не слишком удачно с **čechlū* ‘velamen’ (Miklosich 31), и этому внушению поддавалось большинство позднейших исследователей, признавая в конце концов интересующее

нас слово этимологически неясным (ср. Sławski I, 388, здесь же – более ранняя литература). Только Х. Шустер-Шевц, оставляя в стороне рассуждения о праслав. *čechъlъ, *čechъlo, увидел в нижнелужицких, кашубских и польских формах специфический польско-нижнелужицкий праславянский диалектизм, заслуживающий отдельной этимологической интерпретации (Schuster-Šewc 23, 1749). Однако и он также попал под влияние другой мысли Миклошича, видевшего в польск. *gzło* исходную форму и пытавшегося вывести её из праслав. *kъzlo и связать её с и.-е. *(s)keu- ‘накрывать, окутывать’.

Между тем этимология всех приведённых здесь нижнелужицко-кашубско-польских форм станет действительно прозрачной, если за исходную мы примем частично сохранившуюся в кашубских и польских диалектах форму *z̄gło*, которую свяжем с праслав. *verbum *žegti, *žbgq* ‘жечь’ и реконструируем как *žbg-lo ср.п. ‘то, что вместе с умершим подвергается сожжению’ (ср. словин. *žgli* м. р. ‘сожжённый’, Lorentz. Sl. Wb. II, 1447). Формы с начальным *z-* при таком подходе нам придётся признать вторичными, возникшими после утраты исходного значения слова и мнимого приобретения начальным *z-* функции префикса. Отмеченные формы *z̄dzgło, z̄dzgło* следует присоединить к частым в польских местных названиях формам *Zdziary, Żdzary < Zzary* ‘выжженные места’, а польск. *gzło* вместе с (последней в этом ряду преобразований) формой *giezło* – признать формами с метатезой.

В этом контексте ещё следует обратить внимание на кашубский дериват *zglěšče* со значением ‘белая рубашка, доходящая до щиколоток, в которую одевали умершего’ (Sychta VI, 226), образованный с помощью суф. *-išče* от кашуб. *z̄gło*. Другим значением кашуб. *zglěšče* является ‘сожжённое место’, ср. общепольское *zgliszczce* ‘пожарище’. И здесь также, разумеется, исходные кашубские и польские формы следует реконструировать с начальным *ž-*, впрочем, засвидетельствованным в более ранних написаниях, ср. *žgliško, žgliszczko, žgliszczce* ‘площадка, где сжигали умерших, место с погребальным костром, погребальный костёр’ (Linde² VI, 1038).

При предложенном здесь истолковании кашубское и польское диалектное *z̄gło* ‘саван’ должно было бы представлять собой языковое свидетельство дохристианского обычая сжигания умерших. Впрочем, это не единственное языковое свидетельство этого рода на землях северных славян. Также кашуб. *žālęc* ‘тлеть’ (ср. также *žālńica* ‘котелок для хранения тлеющих углей’ и словин. *žali* ‘горячий, пылающий’), выводимое из праслав. *žaliti ‘тлеть’ (располагающего формальными и семантическими соответствиями в восточнославянских языках), связывается с польск. диал. *žale, żalniki* ‘языческие захоронения’ (ср. также местное название *Żale* на соседнем с Кашубией Коцевье). Связь кашуб. *žālęc* ‘обугливать, раскалять’ с

погребальными обычаями древних славян показал уже в своё время Л. Бискупский⁸, а Л.Т. Выгонная в связи с кашуб. *žălęc* указала на блр. *жальня, жальник* ‘могилки’ как на факты, прямо проливающие свет на дохристианские погребальные обычаи⁹.

Примечания

- ¹ Fischer A. Kaszubi na tle etnografii Polski. Studium porównawcze // Kaszubi, kultura ludowa i język. Toruń, 1934, 180.
- ² Burszta J. Zwyczaje i obrzędy pogrzebowe // Kultura ludowa Wielkopolski. Т. III. Poznań, 1967, 183.
- ³ Sychta B. Kultura materialna Borów Tucholskich. Gdańsk; Pelplin, 1998, 122.
- ⁴ Sorbischer Sprachatlas / Bearb. von H. Faßke, H. Jentsch und S. Michalk. Bd. VI. Bautzen, 1978, Karte 62.
- ⁵ Słownik niemiecko-polski. Deutsch-polsches Handwörterbuch/Bearb. von Christoph Cölestin Mrongovius. Danzig, 1823, 281.
- ⁶ См. также: *Reczek S.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968, 108, 123.
- ⁷ Mały atlas gwar polskich / Oprac. przez Pracownię Atlasu i Słownika gwar polskich Zakładu językoznawstwa PAN w Krakowie. Т.VIII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965, mapa 366, 60–61.
- ⁸ Biskupski L. (псевдоним: A. Berka) Słownik kaszubski porównawczy // PF III, 1891, 686.
- ⁹ Выгонная Л.Т. // Беларуска-польскія ізалексы. Мінск, 1975, 22–27.

Перевёл с польского А.А. Калашиников

М. Рачева

К ПРОДОЛЖЕНИЯМ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ОСНОВЫ *TON- < *TOPN- И *TON- / *TEN- / *TIN- В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Появившийся более века тому назад на рубеже двух столетий словарь Герова “Речник на българския език” все еще остается источником болгарских слов, неизученных или недостаточно изученных в этимологическом отношении. Такова группа слов, идентичных в словообразовательном отношении, но с варьированием гласного в основе гл. на *-явам*, корневой вокализм которых по разным причинам точно соответствует всем гласным фонемам современного болгарского языка: *таня́вам*, *теня́вам*, *тиня́вам*, *тоня́вам*, *туня́вам*, *тня́вам*. Все эти глаголы вместе с *то́на* (*то́нж*) истолкованы Геровым как синонимы с основным значением ‘влажнеть, становиться влажным’.